ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ И. А. РАЕВСКАГО.

[1815—1830 г.г.]

I.

Дѣдъ.—Бабушка.—Мои дяди.—Отецъ.—Гувернеры.—Жизнь въ Любижѣ.

ѢДА моего, Ивана Ивановича Раевскаго, я не помню, такъ какъ онъ скончался, оставивъ малолѣтними дѣтьми моего отца, его двухъ братьевъ, Михаила и Ивана, и дочь Варвару.

Дѣдъ былъ женатъ на Прасковьѣ Михайловнѣ Кропотовой. Будучи очень небогатымъ человѣкомъ, дѣдъ, однако, имѣлъ непреодолимую страсть строить и между прочимъ поставилъ домъ въ Москвѣ на Воздвиженкѣ и церковь въ селѣ Любижѣ.

Бабушка страшно боялась своего мужа; онъ былъ нрава крутого и, какъ говорили, нерѣдко ее бивалъ.

Послѣ кончины мужа бабушка Прасковья Михайловна посвятила себя, какъ умѣла, воспитанію дѣтей и устройству запутанныхъ дѣлъ. Очень кстати явилось наслѣдство, полученное отъ Кропотовыхъ, но особенно пригодилось ея умѣніе устраивать дѣла и крайняя бережливость. Она дешево скупала хорошія, но не заселенныя земли и населяла ихъ крестьянами съ своихъ плохихъ земель, такъ что часто, послѣ продажи лѣса, цѣлое имѣніе ей оставалось даромъ.

Лѣто бабушка всегда проводила въ деревнѣ, а зиму въ Москвѣ въ своемъ домѣ и на свою жизнь тратила вообще очень мало. Однимъ словомъ пріобрѣла огромное состояніе въ очень короткое время. Впослѣдствіи она раздѣлила все поровну между своими дѣтьми, при чемъ дочери дала часть, равную съ братьями.

Говорили, что она дѣтей своихъ любила неодинаково: такъ, моего отца уважала, какъ заслуженнаго человѣка (онъ былъ впослѣдствіи генераломъ), дядю Михаила Ивановича менѣе другихъ любила за вольнодумство, Ивана Ивановича обожала, какъ младшаго въ семьѣ, а еще болѣе обожала единственную дочь. О вольдумствѣ дяди Михаила Ивановича можно судить по слѣдующимъ фактамъ.

Такъ, онъ ни за что не хотѣлъ служить въ гвардіи и вопреки желанію матери предпочелъ боевую службу. За взятіе Измаила онъ получилъ Георгіевскій крестъ четвертой степени, а рескриптъ на орденъ за подписью императрицы Екатерины II разорвалъ, говоря, что императрицу обманули, доложивъ ей, что онъ первый вскочилъ на валъ крѣпости, тогда какъ «до 300 рядовыхъ, убитыхъ и раненыхъ, валялись уже за валомъ крѣпости, когда секундъ-ротмистръ Михаилъ Раевскій вскочилъ на валъ». Слова эти я слышалъ отъ него самого, видѣлъ рескриптъ, разорванный пополамъ, и слово первый передъ словомъ «вскочилъ» тщательно было вымарано имъ чернилами.

Позднѣе я болѣе не видалъ этого любопытнаго документа, равно какъ и бывшаго у него портрета конфедерата Костюшки съ слѣдующей надписью, не умѣю сказать, чьей рукой сдѣланной:

«Наплевать бэгачу,
«Коль свой сноп молочу».

Однажды, проѣздомъ черезъ Казань, Михаилъ Ивановичъ, не знаю по какому случаю, въ порывѣ вспыльчивости ударилъ какого-то чиновника въ офицерскомъ чинѣ по лицу. Чиновникъ завелъ процессъ, и дядю приговорили къ уплатѣ 2.500 р. асс. Онъ спокойно выслушалъ приговоръ и, занявъ гдѣ-то 5.000 р., за безчестіе вручилъ ихъ обезчещенному чиновнику, прибавивъ еще одну оплеуху; а надо сказать, что дядюшка былъ хотя и не большого роста, но крѣпкаго сложенія, и, говорятъ, отъ его удара не всякій могъ устоять на ногахъ.

Сельскаго хозяйства Михаилъ Ивановичъ не любилъ, вѣроятно, по ненависти къ крѣпостному праву. Людей своихъ, даже стариковъ, одѣвалъ казачками и при мнѣ звалъ ихъ «мальчикъ». Его считали полоумнымъ въ семействѣ, тогда какъ онъ былъ только несчастный человѣкъ, благодаря своему странному характеру. Увидѣвъ моего старшаго брата, дядюшка поразился его сходствомъ съ отцомъ и тотчасъ заплатилъ за него пятнадцать тысячъ долгу.

который братъ былъ принужденъ сдѣлать для покупки въ полкъ 36 ремонтныхъ лошадей (лейбъ-гвардіи Конный полкъ).

Женщинъ Михаилъ Ивановичъ не любилъ и не довѣрялъ имъ, что, вѣроятно, и было причиной того, что онъ умеръ холостымъ. Друзей, вѣроятно, имѣлъ много, но я ихъ не зналъ. Подъ старость дядюшка впалъ въ набожность, сталъ строить храмъ въ Бѣлопесоцкомъ монастырѣ, самъ своими руками носилъ бутъ подъ фундаментъ и, заболѣвъ, скончался тамъ. Его похоронили въ этомъ имъ построенномъ храмѣ. Имѣніе свое дядюшка продалъ, еще при жизни, своей племянницѣ, дочери сестры. Самъ онъ всю жизнь прожилъ скромно, не зная роскоши и не любя ея.

Другого рода былъ дядюшка Иванъ Ивановичъ: робкій, хитрый, онъ любилъ почести и старался казаться богатымъ человѣкомъ, но, не будучи имъ, казался скупымъ. Веселый, остроумный собесѣдникъ, онъ былъ любимъ всѣми знакомыми въ Петербургѣ, гдѣ провелъ юность и откуда былъ высланъ: причиной высылки явился туръ вальса съ Е. И. Нелидовой [1]).

Поселясь въ деревнѣ, онъ принялся строить церкви и разводить породистыхъ лошадей, которыя, однако, погибали отъ голода у него на конюшнѣ. Онъ такъ же, какъ и братъ Михаилъ, умеръ холостымъ.

Отца моего я помню смутно и уже больнымъ когда онъ ради прогулки ѣздилъ верхомъ по двору передъ домомъ, или сидѣлъ на диванѣ въ саду, любуясь своими чудными англійскими коровами и телками, при чемъ пилъ изъ фарфоровой кружки молоко отъ козы Машки. Помню отлично и эту козу и любимыхъ лошадей отца: огромнаго гнѣдого бѣлоногаго упряжного жеребца и рыжую верховую.

Любимымъ мѣстомъ жительства моего отца было имѣніе Каширскаго уѣзда, Любижъ; съ нимъ были связаны всѣ его семейныя воспоминанія. До сихъ поръ близъ храма растетъ липа, посаженная моимъ дѣдомъ, англійскій паркъ посаженъ руками моего отца и матери, домъ также построенъ отцомъ моимъ. Впослѣдствіи домъ этотъ былъ передѣланъ и изуродованъ управляющимъ моего старшаго брата, послѣ кончины котораго имѣніе перешло ко мнѣ. При отцѣ, который страстно любилъ сельское хозяйство, въ Любижѣ были роскошные фруктовые сады, великолѣпныя англійскія коровы и даже немного испанскихъ овецъ.

Разсказывали мнѣ старухи-сосѣдки, что батюшка изъ Петербурга первый привезъ бѣлыхъ индѣекъ, и что дворовые крали яйца и продавали ихъ по 5 р. за штуку; рѣдко кто изъ сосѣдей не имѣлъ чего либо изъ Любижа—хорошую телку, лошадь или

[1]) См. записки Е. И. Раевской, «Дядюшка Иванъ Ивановичъ», «Историческій Вѣстникъ», 1898 г.

бѣлаго индюка. Матушка любила цвѣты и имѣла ихъ множество, выписывая и доставая самые новые сорта; такъ, годовой жасминъ (Seringa) былъ, какъ рѣдкость, привезенъ отцомъ изъ Петербурга и купленъ былъ по десяти рублей за корень.

Мои раннія дѣтскія воспоминанія связаны съ этимъ имѣніемъ, которое мы всѣ обожали. Дѣтьми мы цѣлыми днями бѣгали и возились съ крестьянскими мальчиками. Разъ я чуть не утонулъ, упавъ въ жбанъ съ квасомъ, откуда меня вытащили молоденькія горничныя. Очевидно, что надзора за нами совершенно не было, хотя всегда были гувернеры, но они нами не занимались совершенно.

Помню, что я разъ спросилъ одного изъ нихъ, что такое трутъ, и что такое ртуть, на это онъ мнѣ отвѣтилъ:

— Это не ваше дѣло.

И я очень долго не зналъ различія между этими двумя предметами.

Другой разъ я спросилъ, почему бумагу (coton) называютъ «хлопчатой бумагой», мнѣ отвѣтили, что это потому, что она «хлопаетъ»; желая испытать на дѣлѣ, какъ она хлопаетъ, я производилъ разныя пробы и чуть не сжегъ дивана, на которомъ зажегъ куски ваты.

Одинъ гувернеръ, Майеръ, швейцарецъ, никогда съ нами не бывалъ, но спалъ невѣроятно много. Другой, тоже швейцарецъ, былъ удивительный силачъ. Уважая его силу, мы не замѣчали, что онъ и дуракъ и безнравственный человѣкъ. Его смѣнилъ аббатъ Бержэ, человѣкъ честный, нравственный и любившій насъ. Имѣя нѣкоторыя свѣдѣнія въ наукахъ, онъ первый далъ мнѣ понятіе о геометріи. Прежде меня и грамматикѣ, и ариѳметикѣ, и Закону Божію учили въ родѣ того, что бумага хлопчатая «хлопаетъ». Матушка, женщина далеко не глупая, не представляла себѣ возможности научиться чему либо иначе, какъ сидя на мѣстѣ съ книгой въ рукахъ, и говаривала, когда мы бывало расшалимся:

— Si vous preniez du moins un livre en main. (Если бы вы, по крайней мѣрѣ, взяли книгу въ руки).

Сейчасъ и сажаютъ за Buffon'a, гдѣ, напримѣръ, вмѣсто описанія лошади и ея пользы находилась громкая фраза: La plus belle conquête que l'homme ait jamais fait, est sans contredit celle de ce noble et fier animal, qui l'accompagne dans ses travaux et dans les hazards de la guerre и т. д. (самая прекрасная побѣда, которую когда либо одержалъ человѣкъ, безъ сомнѣнія, подъ этимъ благороднымъ и гордымъ животнымъ, сопровождающимъ его въ работахъ и случайностяхъ войны). Чтобы дать понятіе болѣе наглядное объ этомъ благородномъ животномъ, приложена картинка, изображающая кривоногую лошадь, которую голый арабъ держитъ двумя пальцами за узду.

Если бы мнѣ въ то время поручили разсказать о лошади, я бы это сдѣлалъ и лучше и понятнѣе, такъ какъ всегда любилъ лошадей, ѣздилъ верхомъ съ шести лѣтъ и отлично зналъ, что хотя лошадь не всегда красива, но можно не такъ громко и звучно, зато гораздо привлекательнѣе о ней разсказать.

Въ самомъ раннемъ дѣтствѣ у меня была своя лошадка, перешедшая ко мнѣ отъ старшаго брата. Насъ всѣхъ было трое братьевъ, я былъ младшій и послѣдній, которому досталась эта лошадка, когда старшіе братья стали ѣздить на болѣе бойкихъ. Эта же была славная маленькая гнѣдая финка, я на ней скакалъ безъ ума, безъ памяти и восьми лѣтъ, будучи легче вѣсомъ, обскакивалъ старшихъ, которые ѣхали на болѣе молодыхъ и лучшихъ лошадяхъ, и какъ я тогда гордился своимъ «Васькой»!

Разъ, помню, мнѣ Ваську привели осѣдланнаго въ Любижскій садъ для прогулки верхомъ; я поднялъ чапракъ и, увидя, что Васька очень худъ, спросилъ у кучера, почему это. Онъ отвѣтилъ, что мало овса даютъ.

— Да ты бы травой покормилъ!

— Нельзя, баринъ, лошадь не молодая, съ травы еще пуще похудѣетъ.

— Такъ попроси овса.

— Не приказано больше брать.

Я заплакалъ горькими слезами, но требовать овса не смѣлъ.

Вообще матушка была очень строга съ нами, и поэтому, когда она уѣзжала по дѣламъ хозяйства въ другія имѣнія, которыхъ у насъ было нѣсколько въ разныхъ губерніяхъ, для насъ начиналась полная свобода. Гувернеръ тоже немало радовался такому празднику.

Прислуга и дворня насъ любили, отказу намъ ни въ чемъ не было, и мы широко пользовались рѣдкой свободой. Какъ я говорилъ уже, надзора за нами вообще не было, но были замѣчанія матушки, наказанія и иногда розги. Въ отсутствіи же ея мы совершенно свободно могли опаздывать къ обѣду и предаваться всевозможнымъ забавамъ, и никогда не было случая, чтобы мы какъ либо ушибались или вообще повредили что либо, будучи охраняемы вниманіемъ людей, любящихъ насъ, вѣроятно, еще болѣе по тому, что они наравнѣ съ нами терпѣли отъ матушкиной строгости.

Помню, какъ, приказавъ иногда старостѣ выдать старухѣ Сидоровнѣ нѣсколько фунтовъ гречневой муки, мы втроемъ отправлялись къ ней ѣсть блины. Къ блинамъ нерѣдко прибавлялся отъ ея щедротъ жареный пѣтухъ или курица, и все это мы, несмотря на раннюю пору дня, поѣдали съ удовольствіемъ.

Осенью мы хаживали съ гувернеромъ стрѣлять дроздовъ въ саду на рябинѣ и березахъ или же перетаскивали весь листъ изъ старой липовой аллеи въ поле своими руками, такъ какъ лошади

намъ не давалось. Зимой зато бывало запрягали трое или четверо саней по одиночкѣ и ѣздили кататься; помню, разъ старшій братъ Михаилъ не замѣтилъ, какъ вышибъ матушку изъ саней на ухабѣ и только потомъ хватился, вернулся и нашелъ её невредимой. Долго потомъ смѣялись, когда испугъ прошелъ. Другой разъ я съ французомъ-гувернеромъ сбился съ дороги, и вернулись цѣлы, только благодаря силѣ и энергіи лошади. Иногда мы уже съ помощью дворовыхъ людей строили дома изъ снѣга, которые тщательно замораживали, поливая водой.

Въ зимніе вечера мы собирались у камина въ большой залѣ варить сбитень, который мы, дѣти, очень любили. Обыкновенно одинъ изъ насъ долженъ былъ говорить наизусть французскіе или русскіе стихи.

Сосѣдей въ деревнѣ къ намъ ѣзжало мало, пріемовъ не было. Сосѣди эти были все люди небогатые и еще менѣе чиновные. Вѣроятно, ихъ стѣсняли чины и богатство моего отца, поэтому продолжительныхъ посѣщеній не бывало. Гости насъ ласкали и баловали, но особенной радости я при ихъ посѣщеніяхъ не ощущалъ.

Уѣзжали мы изъ деревни очень поздно, иногда только въ декабрѣ.

II.

Московская родня. — Петербургъ. — Наводненіе. — Похороны императора Александра I. — Уроки.

Отъѣздъ въ Петербургъ считался истиннымъ несчастіемъ и всегда сопровождался отчаяніемъ и горькими слезами. Въ Москвѣ, гдѣ мы останавливались проѣздомъ, насъ немного утѣшалъ большой дворъ нашего дома на Воздвиженкѣ и горячіе колачи, которые мы очень любили. Но что составляло истинное мученіе, это визиты къ старымъ родственникамъ, къ которымъ насъ возили на показъ ради какихъ-то неизвѣстныхъ замысловъ. У этихъ дорогихъ родственниковъ всегда были грязныя руки и изъ носу текъ табакъ. Матушка считала своимъ долгомъ насъ, дѣтей, имъ представлять. Тутъ мы должны были цѣловать неопрятныя руки, покрытыя дорогими перстнями, или щеку, пропитанную запахомъ нюхательнаго табака. Послѣ этого привѣтствія мы могли уйти, въ сопровожденіи какой нибудь приживалки, въ другія комнаты, при чемъ слышали сказанныя намъ вслѣдъ слова:

— Comme Woldemar ressemble à Артемій Ивановичъ et Michel et Jeanot (это я) à vous, chère Маргарита Васильевна.

Боясь проронить лишнее слово, чтобы не заслужить матушкина гнѣва и упрека за неприличное поведеніе въ гостяхъ, мы бывало чинно сидимъ и выслушиваемъ безконечные разсказы скучной приживалки. Наконецъ наставалъ радостный часъ разлуки съ ней, и матушкинъ голосъ провозглашалъ:

— Дѣти, пора ѣхать!

Мы съ шумомъ вскакивали съ мѣста и опрометью бросались въ переднюю, но спохватившись опять чинно возвращались цѣловать грязныя руки и табачные носы. Только послѣ этого мы могли бѣжать въ переднюю, гдѣ ливрейные лакеи надѣвали на насъ шубы, и мы отправлялись домой.

Такихъ пытокъ дѣти теперь, слава Богу, не знаютъ, такого притворства имъ не внушаютъ и не показываютъ.

Петербургъ былъ намъ гораздо болѣе сроденъ, хотя и его мы не любили. Но все же тамъ было менѣе скучныхъ визитовъ, и почти не было старыхъ родственниковъ, зато были веселыя прогулки на бѣлыхъ яликахъ по каналамъ и Невѣ, а также прогулки на Биржу, гдѣ мы смотрѣли на привозимыхъ изъ-за границы попугаевъ, канареекъ и обезьянъ, и гдѣ мы лакомились заморскими апельсинами, пряниками и пили инбирный квасъ.

Ходили мы также въ Лѣтніе сады, Большой и Малый (нынче садъ дворца Елены Павловны), гдѣ мы съ неимовѣрной ловкостью скользили между гуляющими по аллеямъ, гоняя свои легкіе обручи, и всегда намъ приходилось выслушивать похвалы нашей дѣтской красотѣ, но это насъ трогало гораздо менѣе, чѣмъ похвалы, расточаемыя нашимъ гнѣдымъ и сѣрымъ лошадямъ завода моего отца.

Мы были въ деревнѣ, когда пришла къ намъ вѣсть о наводненіи въ Петербургѣ въ 1824 году. Извѣстіе пришло поздно, и, конечно, искаженное: разсказывали, что потонуло нѣсколько гальотовъ съ сахаромъ. Когда же мы пріѣхали въ Петербургъ и увидѣли на домахъ красныя мѣтки, показывающія вышину воды, увидѣли еще сырыя людскія комнаты нашего дома на Большой Морской, мы чрезвычайно удивились и съ жадностью слушали разсказы жившей у насъ въ домѣ полковницы, Елены Ивановны Старовой, о томъ, какъ барка съ дровами неслась по улицѣ, и какъ изъ мелочной лавочки плыла разная провизія.

Какого труда мнѣ стоило представить себѣ, что причина всему этому былъ дувшій нѣсколько часовъ сряду западный вѣтеръ!

Помнится мнѣ ясно, какъ мы изъ оконъ Публичной библіотеки смотрѣли на похороны императора Александра Павловича, и какъ при возвращеніи домой наши лошади испугались залпа орудій и понесли.

Церемонія похоронъ продолжалась очень долго, при чемъ меня болѣе всего занималъ рыцарь, значеніе котораго я никакъ не могъ понять.

Часто встрѣчая государя во время его прогулокъ на Англійской набережной, мы прекрасно знали его въ лицо, и теперь, слушая

разсказы о его добротѣ, разсматривая современную гравюру, изображающую его въ дрожкахъ, запряженныхъ парой съ пристяжкой, и какъ онъ, вылѣзая изъ нихъ, держитъ за руку больного мужика; глядя на кольцо съ надписью изъ письма его супруги: «Notre ange est aux cieux!» — мы глубоко сожалѣли о кончинѣ государя, который ввелъ въ Парижъ русскую побѣдоносную армію.

Вообще же надо сказать, что мы не только о русской исторіи, но и о русскомъ языкѣ имѣли довольно смутное понятіе. Хотя русскіе учителя ходили по часамъ и отличались большой аккуратностью, но эти занятія не были плодотворны. Законоучитель, священникъ отецъ Петръ, обучалъ насъ катихизису и литургіи по вопросамъ и отвѣтамъ. Русскій учитель заставлялъ насъ учить наизусть своего сочиненія грамматику, которой мы не понимали, и, конечно, не могли и двухъ словъ написать правильно. Учитель исторіи, Роговъ, только и могъ объяснить, что венгры азіатскаго происхожденія. Другой учитель, Бругъ, всегда начиналъ рѣчь словами: «Благонамѣренное правительство»...

Въ головахъ у насъ оставались только обрывки фразъ безъ всякой связи и смысла.

Французскій языкъ и исторія были намъ гораздо болѣе знакомы и близки, благодаря вліянію гувернеровъ-французовъ, особенно одного изъ нихъ, Ricard'a. Онъ былъ человѣкъ женатый и имѣлъ двухъ дѣтей. Ювелиръ по ремеслу, онъ, однако, недурно игралъ на скрипкѣ, чѣмъ и кормился во Франціи, играя въ оркестрѣ маленькаго театра. Въ Петербургѣ онъ счелъ болѣе выгоднымъ сдѣлаться гувернеромъ. Его жена и дочери также жили въ Петербургѣ, кормясь его трудами и работой m-me Ricard. Это была маленькая, толстенькая блондинка съ вѣчной иглой въ рукахъ. Ricard былъ роялистъ и съ жаромъ разсказывалъ объ ужасахъ революціи. Эти разсказы сильно дѣйствовали на мое воображеніе.

Съ такими-то неровными свѣдѣніями, отсталый въ предметахъ важныхъ, черезчуръ далеко ушедшій для своихъ лѣтъ въ другихъ, съ обрывками знаній, полученныхъ безъ системы, я былъ отданъ одиннадцати лѣтъ въ пансіонъ Курнана, въ Петербургѣ, на Литейной, въ домѣ сенатора Рязанова.

III.

Пансіонъ.—Надзиратели.—Учителя.—Картечь 14 декабря 1825 года.

Въ пансіонъ поступили мы, всѣ три брата: двое старшихъ во второй классъ, а я въ третій, при чемъ надо замѣтить, что дѣтей распредѣляли по классамъ не по знаніямъ, а по росту. Всѣхъ учениковъ набиралось иногда до семидесяти человѣкъ.

Трудно намъ было привыкать къ пансіонской жизни и особенно къ плохой пищѣ. Дома насъ кормили отлично, хотя не роскошными

обѣдами, но сытными и здоровыми, а здѣсь и мало, и плохо, даже хлѣбъ черный былъ съ пескомъ, а квасъ киселъ, какъ уксусъ.

Цѣны были разныя: такъ за «demi-pensіon», т.-е. ночевать дома и не ужинать—1.500 р. асс. въ годъ, а полный «pensіon» 2.000 р. асс. Но, кромѣ этого, среди учениковъ были такіе, которые платили меньше, иные даже ничего, и надо отдать справедливость Курнану — мы не знали, кто изъ насъ платилъ больше, кто меньше или даже ничего, хотя надо сказать, что въ то же время этотъ Antoine de Courmand, какъ себя называлъ содержатель пансіона, былъ неучъ и шарлатанъ первой руки. Онъ съ неимовѣрной ловкостью надувалъ родныхъ своихъ учениковъ, внушая имъ довѣріе къ своему пансіону и качеству преподаванія. Его братъ, Joseph, былъ честный и дѣльный французъ. Онъ обучалъ «мертвымъ языкамъ».

Впослѣдствіи пріѣхалъ третій братъ, Timoleon, могшій только обучать рисованію, и то плохо, пустой и глупый человѣкъ, надъ которымъ мы всѣ издѣвались. Однажды онъ приказалъ человѣку принести себѣ завтракъ и, кстати, принести клею, чтобы приклеить къ доскѣ большой листъ Ватманской бумаги, для изображенія головы какого-то Леонида или Антиноя. Человѣкъ принесъ ему тарелку клейстера (во Франціи клеятъ вишневымъ клеемъ), онъ вообразилъ, что это завтракъ, съѣлъ весь клейстеръ и потомъ говорилъ:

— Je n'ai jamais mangé une horreur pareill à ce petit plat russe. (Я никогда не ѣлъ мерзости, подобной этому русскому блюду).

Географія, исторія и многіе другіе предметы проходились по-французски, а русскіе учителя набирались, какъ говоритъ Грибоѣдовъ, «числомъ поболѣе, цѣною подешевле». Кромѣ учителей, были еще такъ называемые надзиратели, ихъ бывало заразъ до четырехъ. Они были въ свою очередь люди особаго рода. Содержаніе они получали отъ Курнана небольшое, утромъ вмѣсто нашего чая кофе съ бѣлымъ хлѣбомъ, а къ обѣду по полубутылкѣ вина. Обѣдали они съ нами, сидя на концахъ двухъ длинныхъ столовъ, за которыми обѣдали и ужинали по два класса за каждымъ. Они имѣли по комнатѣ въ домѣ, гдѣ помѣщался пансіонъ, и должны были наблюдать за нами и дома, и на прогулкахъ, когда насъ парами водили по улицамъ. Кромѣ надзора за учениками, надзиратели обучали кое-чему въ низшихъ классахъ: кто чистописанію, кто рисованію или начальнымъ правиламъ французскаго и русскаго языка. Русскихъ надзирателей не было, и разговоры по-русски не то, чтобы запрещались, но, какъ непонятные для большинства начальства, считались насмѣшкой на ихъ счетъ и безнравственными разговорами, съ намѣреніемъ скрыть то, что говорилось, отъ пансіонской цензуры. Такъ какъ непониманіе, о чемъ идетъ рѣчь, всегда и вездѣ порождаетъ въ начальствѣ недовѣріе, а это

въ свою очередь готовитъ подчиненныхъ къ тому, что и довѣрять имъ нельзя, то понятно, что насмѣшкамъ и шуткамъ всякаго рода со стороны учениковъ на бывало конца. Каждый изъ надзирателей имѣлъ свое прозвище: иного звали «торгашъ», потому что узнали стороной, что онъ нѣкогда былъ комми въ магазинѣ; другого звали «пьяницей», подмѣтивъ, съ какой жадностью онъ за обѣдомъ выпивалъ свою полубутылку вина, и т. п. Одинъ изъ надзирателей, нѣкто Буржуа, былъ страшный неучъ и строгъ до безумія; во время его дежурства почти не было не наказаннаго ни одного ученика въ классѣ. Наказанія записывались въ памятную книжку, которую онъ, однако, тщательно скрывалъ, такъ какъ самыя простыя слова по-французски писалъ съ грубѣйшими ошибками. У этого Буржуа была страсть разсказывать, какъ онъ, живя еще во Франціи, управлялъ будто бы бумагопрядильной фабрикой. Поэтому, когда желательно было его смягчить, избавиться отъ наказанія или пріобрѣсти его милость, то стоило только заговорить о какомъ нибудь номерѣ пряжи; сію минуту онъ смягчался и прощалъ не только самого искуснаго ходатая, но и тѣхъ, за кого онъ попроситъ, приговаривая:

— On peut vous pardonner, car vous vous interessez à tout, surtout aux fabriques françaises, quant à vos camarades ce sont des gens qui ne veuillent rien savoir que leur russe, je vous avoue que je ne comprend pas cecі. (Вамъ можно простить, потому что вы всѣмъ интересуетесь, особенно французскими фабриками; что же касается вашихъ товарищей, то это люди, которые не хотятъ ничего знать, кромѣ своего русскаго; я этого не понимаю).

Конечно, ходатай-дипломатъ не брался объяснять и растолковывать, что для русскихъ все русское такъ же интересно, какъ для него французское; если бы онъ это сдѣлалъ, гнѣву не было бы конца, и цѣль не была бы достигнута.

Въ томъ же родѣ мы дѣйствовали и по отношенію къ остальнымъ надзирателямъ, льстя ихъ слабостямъ, чтобы избѣгнуть наказаній и въ концѣ недѣли получить хорошія отмѣтки за поведеніе. Мало-по-малу, я сталъ привыкать къ пансіонской жизни, втянулся въ нее, узналъ много того, чего при порядочномъ домашнемъ воспитаніи никогда бы не зналъ: выучился хитрить, выгодно лицемѣрить, лгать, и такимъ образомъ, несмотря на мои проказы, я почти всегда получалъ отмѣтки «conduite très bonne», чему дома даже перестали вѣрить, зная, какъ мало я способенъ былъ заслужить эти похвалы.

Нѣкоторые изъ нашихъ надзирателей занимались мелкой торговлей, и имѣвшіе возможность у нихъ кое-что купить тоже получали хорошія отмѣтки, ласки и вниманіе, взамѣнъ барыша, получаемаго отъ продажи колечекъ, крестиковъ съ гранатами и бирюзой и т. п. мелочи. Все это было такъ ясно, что ученики, разумѣется, не уважали такихъ надзирателей, да и уважать было не за что.

Принести жалобу самому Курнану, какъ бы справедлива она ни была, было безполезно; какъ разъ прослылъ бы за бунтовщика, лгуна и проч., домой бы не отпустили и тамъ бы еще наказали вдвое.

Когда меня въ пансіонѣ въ первый разъ поставили, въ видѣ наказанія, на колѣни, я ужасно оскорбился. Дѣло въ томъ, что у насъ была мода собирать картечь, подобранную на улицахъ послѣ 14 декабря 1825 года; всѣ товарищи покупали её нарасхватъ у уличныхъ мальчишекъ. Была такая картечь и у меня. Какъ разъ во время латинскаго урока я игралъ ею, пересыпая изъ одной руки въ другую, когда раздался выстрѣлъ изъ пушки, возвѣщавшій о коронаціи Николая I. Я зналъ, что за нами пріѣхали, и, не ожидая позволенія, вскочилъ, и... вся картечь съ грохотомъ разлетѣлась по всему классу. Дома насъ часто наказывали даже розгами, но подобнаго позора, какъ стояніе на колѣняхъ, никогда еще не бывало. На гулянье меня, однако, отпустили, и я немало восхищался чуднымъ зрѣлищемъ, освѣщенными шкаликами зданіями Биржи, Казанскаго собора и Лютеранской церкви.

IV.

Курнанъ.—Экзамены.—Княгиня Щербатова.—Латинскій экзаменъ.—Награды.

Какъ я уже говорилъ, Антонъ Курнанъ былъ шарлатанъ. Онъ безбожно надувалъ родственниковъ своихъ воспитанниковъ, пуская имъ пыль въ глаза, и дѣлалъ это ловко и умно. Особенно замѣтны были его ухищренія во время экзаменовъ, которые производились въ теченіе цѣлой недѣли въ огромной залѣ великолѣпнаго дома графа Апраксина. Устраивались подмостки: одни для двухъ первыхъ классовъ, а другіе для 3-го и 4-го. Въ срединѣ была эстрада, все это покрыто зеленымъ сукномъ. Брали кавалергардскую музыку, которая располагалась въ сосѣдней комнатѣ, приглашались родственники учениковъ и наиболѣе извѣстные ученые того времени, какъ-то: Дестромъ, Чижовъ, Клаперонъ, Бонтанъ Ламмэ и многіе другіе. Программа была самая обширная, экзамены распредѣлялись по днямъ, одинъ или два предмета въ день. Тутъ уже шарлатанству мѣры не было, обманъ нагло выказывался для насъ, знавшихъ, въ чемъ дѣло.

Такъ, напримѣръ, вызывали учениковъ на эстраду по вопросамъ, какъ будто предложеннымъ на удачу, и выходило все прекрасно, такъ какъ спрашивали именно тѣхъ, кто это зналъ, и чаще всего это были тѣ, которые покрасивѣе собой или лучше одѣты. Особенно были въ ходу громкія фамиліи, какъ-то: князья Куракины, Щербатовы, Кочубей, Голицыны и т. д., все это дѣлалось натурально и шло гладко.

Послѣдній день посвящался декламаціи и раздачѣ наградъ: «Diction de vers russes, français, allemands, latins et grecs. Distribution de prix». (Чтеніе стиховъ русскихъ, французскихъ, нѣмецкихъ, латинскихъ и греческихъ. Раздача наградъ).

Тутъ уже былъ апоѳеозъ, и театральность доходила донельзя. Разскажу про себя.

Мнѣ пришлось декламировать французскіе стихи, а именно начало «Генріады», и я, стоя на эстрадѣ, противъ княгини Щербатовой, принявъ соотвѣтствующую позу и интонацію, началъ:

«Je chante le héros qui reigna sur la France
Et par droit de conquête et par droit de naissance.
Qui par de longs malheurs apprit à gouverner,
Calma les actions, sut vaincre et pardonner.
Confondit et Mayenne et la Ligue et l'Iber
Et fut de ses sujets le vainqueur et le père.
Descends du haut des cieux auguste verité,
Repends sur mes écrits ta force et ta clarté;
Que l'oreil des rois s'accoutume à t'entendre,
C'est à toi d'annoncer ce qu'ils doivent entendre,
C'est à toi de montrer aux yeux des nations
Les coupables effets de leur divisions.
Dis comment la discorde a troublé nos provinces,
Dis le malheur des peuples et les fautes des princes». . .
. . . . . и т. д.

Дѣло казалось въ шляпѣ, родители утопали въ блаженствѣ, Курнанъ сіялъ, но тутъ умная и ученая княгиня Щербатова, знавшая даже латинскій языкъ, остановила меня и, сказавъ Курнану:

— Pardon, si j'interromps votre élève (извините, что прерву вашего ученика), — обратилась ко мнѣ:

— Вы прекрасно говорите по-французски, память у васъ отличная, но не можете ли вы мнѣ объяснить эти стихи Вольтера?

— Могу, — отвѣтилъ я и посмотрѣлъ на Курнана, который поблѣднѣлъ.

— О какомъ героѣ, королѣ французскомъ, говоритъ Вольтеръ? — продолжала княгиня.

— О Генрихѣ IV, — смѣло отвѣтилъ я.

Курнанъ успокоился и кивнулъ мнѣ головой.

— Переведите русскими словами то, что вы говорили, — сказала княгиня.

— «Пою героя, царствовавшаго во Франціи по праву завоеванія и по праву рожденія, долгими несчастіями научившагося править, успокоившаго смуты и умѣвшаго побѣждать и прощать врагамъ, изумившаго и Майенну и Лигу и Испанію и бывшаго побѣдителемъ и отцемъ своего народа и подданныхъ. Сойди съ небесъ, свя-

тая истина, пролей на мои письмена твою силу и свѣтъ. Пусть слухъ королей привыкаетъ къ тебѣ, ты должна возглашать то, чему слѣдуетъ ему учиться. Ты должна показывать глазамъ народа преступныя послѣдствія ихъ раздоровъ. Скажи имъ, какъ несогласія смутили наши провинціи. Повѣдай несчастія народовъ и ошибки князей»...

— Хорошо,—сказала княгиня,—но слово «princes» я бы перевела здѣсь «правители». Чѣмъ же Генрихъ IV заслужилъ названіе отца народа?

— Тѣмъ,—отвѣчалъ я, конечно, по-французски,— что любилъ его и, зная его нужды, говорилъ: «Je voudrais que le pauvre puisse mettre une poule au pot chaque dimanche». (Я хотѣлъ бы, чтобы каждый бѣднякъ могъ каждое воскресенье сварить курицу).

— Прекрасно. Кто изъ его приближенныхъ ему въ этомъ содѣйствовалъ?

— Сюлли, который, не щадя себя, часто укорялъ Генриха въ безпечности, онъ занимался не только улучшеніемъ путей сообщенія, но и покровительствовалъ разведенію на югѣ шелковичныхъ червей и устройству полезныхъ фабрикъ, чѣмъ на долгое время упрочилъ богатство и силу народа. Эти мирные труды, однако, не мѣшали ему быть храбрымъ на войнѣ и сопровождать короля въ опасности битвы.

Княгиня одобрительно кивнула головой.

Познанія мои во французской исторіи я почерпалъ изъ той же «Генріады» и изъ разсказовъ гувернеровъ, а спроси меня княгиня что либо о родномъ русскомъ, чего она, вѣроятно, и сама не знала, то увидѣла бы, насколько я невѣжда. Но ей это не пришло въ голову, и она съ улыбкой обратилась къ сіяющему и взволнованному Курнану:

— Voila, monsieur, ce que j'aurais desiré voir en beaucoup de jeunes gens, cela vous fait honneur, ce n'est pas seulement à bien parler qu'on apprend chez vous, mais à bien penser. (Вотъ это, сударь, я желала бы видѣть у большинства молодыхъ людей. Это дѣлаетъ вамъ честь; у васъ учатъ не только хорошо говорить, но и хорошо думать).

Курнанъ проглотилъ комплиментъ, пожалъ мнѣ руку и, обратясь къ княгинѣ, сказалъ:

— Il promet beaucoup, mais c'est une tête chaude. (Онъ обѣщаетъ много, но у него горячая голова).

— Pour vu qu'elle soit bien dirigée, elle sera bonne à quelque chose. (Если она будетъ хорошо направлена, то пригодится на что нибудь),—сказала княгиня и улыбнулась мнѣ.

Я съ гордостью отправился на свое мѣсто. Экзаменъ продолжался.

Черезъ нѣсколько дней послѣ описаннаго эпизода я получилъ отъ Курнана приглашеніе къ обѣду. У него нашелъ я нѣсколько французовъ, болталъ съ ними, потѣшая разными шутками и каламбурами, за что̀ получилъ лестное для меня названіе «parisien».

Другой разъ не такъ удачно дался мнѣ экзаменъ. Надо сказать, что книги у насъ были устроены такъ, что открывались на знакомыхъ намъ мѣстахъ, которыя мы легко переводили. Таковъ былъ и у меня Квинтъ Курцій.

Та же княгиня Щербатова, взявъ у меня книгу, невольно открыла её на знакомомъ мнѣ мѣстѣ,—я перевелъ бойко и выразился хорошимъ французскимъ языкомъ; пришло же ей въ голову перевернуть нѣсколько страницъ. Тутъ я сталъ втупикъ, стою и молчу...

Курнанъ меня моментально выручилъ, объяснивъ:

— Il est fatigué, princesse,—и обратился къ другому ученику:— Fleury, traduisez ce-ci, votre camarade n'en peut plus. (Онъ усталъ, княгиня. Флери, переведите это, вашъ товарищъ болѣе не можетъ).

Конечно, Флери зналъ это мѣсто и отлично перевелъ.

Такимъ образомъ, доходило мало-по-малу до раздачи наградъ, которыя были слѣдующія: первая и вторая награды — книги съ надписью, третья—листъ, по которому ученику впослѣдствіи прощалось десять проступковъ, при чемъ послѣ каждаго прощенія на листѣ дѣлалась прорѣха. Такихъ листовъ было по два за каждый предметъ.

При раздачѣ читалось, хотя бы, напримѣръ: Premier prix de langue russe accordé à Jean Raevsky, né à St. Pétersbourg le 16 Mai 1815. Музыка играла тушъ, глубокій поклонъ публикѣ, поцѣлуй Курнану.... и слѣдующій ученикъ.

Иногда Курнанъ говорилъ нѣсколько назидательныхъ словъ.

Такъ дѣло шло къ благому концу; эффекту много, толку мало; хорошо еще, если тѣмъ, кто не былъ отъ души преданъ обману, все это казалось гадко, но смѣло можно сказать, что такая подготовка приносила мало пользы для будущаго. И этотъ пансіонъ въ то время былъ лучшимъ въ городѣ!

V.

Уроки пѣнія.—Кончина государыни Маріи Ѳеодоровны.—Настроеніе общества.—Зрѣлища.—Театры.

Въ то время мы съ братомъ Михаиломъ начали брать уроки пѣнія у итальянца Juliani. Пѣвали преимущественно по-итальянски: Sul margine d'un rio; Benedetta siu la madre. Очень въ модѣ были французскіе романсы: «Je t'aime tant, je t'aime tant», «А

peine sorti de l'enfance», и аріи изъ оперы «Joseph». Пѣвали мы также всевозможные дуэты. Голоса у насъ были чистые, слухъ хорошій, особенно у брата были огромныя способности къ музыкѣ и прекрасный высокій теноръ. Итальянецъ охотно съ нами занимался (за большія деньги, впрочемъ), аккомпанировалъ самъ нашему пѣнію на гитарѣ или на клавикордахъ, но больше всего любилъ разсказывать всевозможныя небылицы, героиней въ которыхъ чаще всего являлась императрица Марія Ѳеодоровна, которая за уроки, даваемые имъ въ Смольномъ монастырѣ, пожаловала ему дачу въ Павловскѣ.

Иногда онъ разсказывалъ и эпизоды въ родѣ того, что во дворъ этой его дачи разъ забрался воръ, но цѣпная собака его загрызла и съѣла, такъ что утромъ нашли одинъ скелетъ.

Покойную императрицу, мать Александра и Николая Павловичей, помню и я. Она всегда ѣзжала по Петербургу въ золоченой каретѣ, четырехмѣстной и запряженной цугомъ въ шорахъ. На запяткахъ кареты стояли два гусара, позади ѣхали за ней два камеръпажа верхомъ. Обыкновенно государыня выѣзжала такимъ образомъ для осмотра женскихъ учебныхъ заведеній, которыми она очень любила заниматься. Всячески стараясь улучшить ихъ, она сама наблюдала за уроками, за чистотой, знала дѣвочекъ по имени, разговаривала съ ними и ласкала ихъ. Намъ часто случалось встрѣчать ее во время этихъ поѣздокъ.

Въ одну изъ средъ нѣмецкій учитель Шпикернагенъ пришелъ въ классъ на урокъ и объявилъ, что императрица скончалась. Это было во время турецкой войны 1828—1829 годовъ, нѣсколько дней спустя по полученіи извѣстія о взятіи турецкой крѣпости Варны.

Во время отсутствія государя, который въ то время находился при арміи, императрица ѣздила въ Казанскій соборъ служить благодарственный молебенъ о побѣдѣ и, проѣзжая черезъ толпу собравшагося на площади народа, спустила окно кареты и съ радостью говорила: «Варна взята».

Холодный воздухъ охватилъ ее, она простудилась и умерла черезъ нѣсколько дней.

Но надо сказать, что въ то время насъ болѣе всего занималъ вопросъ, распустятъ ли насъ по домамъ, что́ и было сдѣлано сейчасъ же.

Опять мнѣ пришлось присутствовать зрителемъ на царскихъ похоронахъ. Но послѣ пышныхъ похоронъ государя Александра I и Елисаветы Алексѣевны эти похороны меня уже не поразили своимъ великолѣпіемъ.

Дома только и было рѣчи, что о турецкой войнѣ, осадѣ Шумлы переходѣ черезъ Балканы и взятіи Константинополя, если, въ

чемъ очень сомнѣвались, до этого допустятъ Англія и Франція, зорко слѣдившія за успѣхами русскаго оружія.

Въ то время я самъ видѣлъ женъ уѣхавшихъ военныхъ, плачущихъ и убивающихся о своихъ мужьяхъ. Но въ мирное время ни одна изъ нихъ не согласилась бы, чтобы мужъ ея оставилъ службу. Очень ужъ всѣмъ хотѣлось бывать во дворцѣ на выходахъ и гордиться чинами и званіемъ своихъ супруговъ, не разставаясь съ ними, въ тишинѣ и спокойствіи.

Не таково было, по словамъ моей матери, настроеніе общества въ 1812 году: тогда встрѣчали возвращавшихся раненыхъ съ торжествомъ и восторгомъ. Объ арміи говорили съ уваженіемъ, почти каждое достаточное семейство считало за счастіе призрѣть у себя раненаго офицера.

То была война отечественная въ полномъ смыслѣ этого слова. Теперь было не того, не было того увлеченія патріотизмомъ, если не считать таковымъ того, что толпа народа валила въ балаганъ, устроенный въ саду Кусовникова, у Поцѣлуева моста, въ которомъ какой-то итальянецъ показывалъ картонныя стѣны турецкихъ крѣпостей, защищаемыя тремя-четырьмя мужиками, вымазанными сажей, съ чалмами на головахъ и съ жестяными кривыми саблями. Ихъ аттаковало пять-шесть русскихъ солдатъ, при чемъ не жалѣли ни пороха, ни криковъ «ура». Ежеминутно вспыхивали бенгальскіе огни, что̀ должно было изображать несчастный для русскихъ взрывъ вала Браилова.

Въ томъ же саду надъ прудомъ по протянутому канату ходилъ паяцъ съ огромнымъ шестомъ и въ войлочной шляпѣ, вѣроятно, чтобы показать, что отъ великаго до смѣшного одинъ шагъ. Фальшивый органъ замѣнялъ оркестръ; плошки, обмазанныя скипидаромъ, соперничали со свѣтомъ петербургской бѣлой ночи. И нетребовательная публика была совершенно довольна.

Этой зимой насъ часто возили во французскій театръ. Мы съ братомъ Михаиломъ легко запоминали куплеты водевилей и т. п., всего почти Скриба знали наизусть и напѣвали кстати и некстати.

Въ балетѣ помню особенно хорошо Истомину, но вообще балетовъ мы не любили; ихъ тогда ставили не съ такой роскошью, какъ теперь. Декораціи были плохи и часто даже дырявыя. Такъ, въ пьесѣ «Thérèse ou l'orpheline de Génève», которая заключалась въ томъ, что злодѣй (актеръ Durand) рѣжетъ благодѣтельницу Терезы, которую потомъ обвиняютъ въ этомъ преступленіи и казнятъ. Этотъ самый Durand въ то время, какъ за сценой раздавались крики его жертвы, преспокойно мѣнялъ парикъ и даже костюмъ, что̀ зрителямъ было ясно видно черезъ дырявыя кулисы.

Директоромъ театровъ тогда былъ Тюфякинъ.

Оперы въ то время давались почти исключительно Россини.

VI.

Смерть брата.—Второй бракъ матушки.—Игроки тридцатыхъ годовъ.—Закрытіе пансіона.

Слѣдующее лѣто мы не ѣздили въ деревню, а проводили на дачѣ Гюнтена по Парголовской дорогѣ. Тамъ въ іюлѣ мѣсяцѣ скончался братъ мой Михаилъ, утонувъ въ Парголовскомъ озерѣ. Онъ не умѣлъ плавать, а на дырявой лодкѣ поѣхалъ по озеру; лодка наполнилась водой, онъ оробѣлъ и бросился въ воду, утопая на нашихъ глазахъ: мы стояли на берегу. Я невольно кинулся къ нему съ берега и утонулъ бы непремѣнно самъ, если бы мастеровые, купавшіеся въ это время, не остановили меня. Помню, что одного изъ нихъ я ударилъ рукой по лицу, но онъ меня удержалъ и вытащилъ на берегъ. Тѣла не могли найти, оно всплыло только на девятый день и схоронено близъ Парголовской церкви.

Матушка, страстно любившая сына, и мы съ братомъ Владимиромъ были въ отчаяніи. Всѣ мы обожали старшаго брата, да и было за что: уже не говоря о томъ, что онъ былъ уменъ, красивъ и талантливъ, онъ былъ глубоко привязанъ къ намъ. До сихъ поръ у меня хранится его колечко съ бирюзой и надписью внутри: «souvenir d'une mère». При похоронахъ присутствовали ученики изъ пансіонскихъ товарищей брата и неизбѣжный Курнанъ, который и тутъ не обошелся безъ фразъ, сказавъ надгробную рѣчь; онъ не могъ не поболтать, хотя и безъ него горя было достаточно.

Мы съ братомъ Владимиромъ долго не рѣшались даже говорить о своемъ несчастіи, но не могли предвидѣть, какой огромный вредъ потеря брата принесетъ нашему семейству.

Матушка, лишившись старшаго и любимаго сына, имѣя на рукахъ заботы и хлопоты по управленію нѣсколькихъ имѣній и пышнаго дома въ Петербургѣ, невольно стала задумываться о второмъ бракѣ.

Не стану говорить о моемъ вотчимѣ, но не могу удержаться, чтобы не сказать, что замужество матушки принесло намъ много горя. Бракъ, неравный по годамъ, такъ какъ матушка была старше своего мужа, оказался неравнымъ и по рожденію и по воспитанію; разумѣется, онъ не могъ не имѣть самыхъ пагубныхъ послѣдствій для семейнаго быта. Каково было намъ, шестнадцати и и двѣнадцатилѣтнимъ мальчикамъ, видѣть въ своемъ домѣ хозяина, чужого, враждебнаго человѣка, видѣть, какъ рушатся старыя традиціи, и т. д.

Впервые появился у насъ въ домѣ крэпсъ, т.-е. игра въ косточки съ номерами, явились карты, и хотя матушка и прежде

игрывала въ вистъ, но теперь у насъ въ домѣ начались азартныя игры. Среди карточныхъ игроковъ считались замѣчательными въ своемъ родѣ нѣкто Никитинъ, Смирновъ и нѣсколько человѣкъ, фамилій которыхъ я не помню. Про нѣкоторыхъ изъ нихъ даже носились слухи, что они не весьма похвальными средствами нажили себѣ состояніе. Игра у насъ, вѣроятно, шла очень крупная, такъ какъ при мнѣ разъ князь Долгорукій выигралъ разомъ 36.000 р. асс. у Никитина и хотѣлъ поставить еще 72.000 р., но тотъ отказался. Подобное зрѣлище повторялось по нѣскольку разъ въ мѣсяцъ, но не возбуждало во мнѣ никакой охоты къ игрѣ; меня только занимали грустныя лица проигравшихъ, веселье и довольство счастливцевъ, а, главное, хладнокровіе Никитина, который ничего не говорилъ, кромѣ:

— Извольте, пожалуйте, что изволите ставить?

А потомъ послѣ окончанія игры методично складывалъ измятыя бумажки по достоинству пачками и опускалъ въ карманъ.

Послѣ игры подавался ужинъ, къ которому, однако, многіе, особенно изъ проигравшихся, не притрогивались, они только лихорадочно глотали холодную воду и спѣшили уѣхать проводить безсонную ночь безъ гроша въ карманѣ.

Матушка не любила такихъ вечеровъ, была всегда не въ духѣ, и какъ мужъ ни увѣрялъ ее, что вездѣ стали играть, и что это теперь въ свѣтѣ особенно принято, она все же твердила, что не желала бы дѣлать изъ своего дома «un tripot».

— Вистъ,—говаривала она,—бостонъ, мушка, это другое, а это кабацкая игра, тутъ другъ друга рѣжутъ, а не проводятъ время, какъ порядочные люди. Посмотри на эти красныя рожи, вѣдь они въ состояніи задушить другъ друга!

Намъ съ братомъ эти вечера тоже не улыбались, и мы старались отъ нихъ удрать. Такъ, я однажды, получивъ 25 коп. на извозчика въ пансіонъ, ушелъ очень рано изъ дома, побывалъ въ райкѣ театра на «Горе отъ ума», гдѣ въ роляхъ Молчалина и Репетилова неподражаемы были Сосницкій и Дюръ. Потомъ поѣлъ въ харчевнѣ говядины, выпилъ бутылку квасу и пѣшкомъ пошелъ въ пансіонъ. Если бы матушка узнала, что я ужиналъ въ харчевнѣ и въ театрѣ сидѣлъ съ полковыми писарями и ихъ женами (которые были со мной очень вѣжливы и любезны), она пришла бы въ ужасъ, не сознавая, насколько это общество менѣе вредно, чѣмъ то, что я покинулъ дома, и даже общества гувернеровъ, которымъ платили по три тысячи въ годъ.

Въ то время, какъ у насъ дома дѣлались эти крупные перевороты, пансіонъ также совершенно измѣнился: Антонъ Курнанъ, найдя, что нажилъ довольно крупное состояніе, забралъ свои капиталы и уѣхалъ въ Парижъ, передавъ пансіонъ брату Joseph'у, котораго при семъ не преминулъ надуть. Поселясь въ Парижѣ,

онъ сталъ что-то врать про Россію, Петербургъ и т. д. Однимъ словомъ, русское правительство, извѣщенное о его болтовнѣ, закрыло наконецъ пансіонъ бѣднаго Joseph'a, такъ что, придя въ одинъ прекрасный день, мы нашли Joseph'a въ слезахъ. Онъ объявилъ намъ, что министръ народнаго просвѣщенія призывалъ его и объявилъ повелѣніе государя закрыть учебное заведеніе.

Впослѣдствіи Joseph Cournand получилъ лестное приглашеніе обучать французскому языку наслѣдника цесаревича Александра II и еще нѣсколько уроковъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Несмотря на то, что по милости своего брата былъ на дурномъ счету, онъ потомъ получалъ и ордена и чины. Но все это гораздо позднѣе, а тогда весь въ слезахъ несчастный Joseph былъ очень жалокъ. Я и жалѣлъ бѣднягу, но въ глубинѣ души былъ радъ оставить пансіонъ.

Этимъ закончилось мое научное образованіе на пятнадцатомъ году жизни.

И. А. Раевскій.

